

Ключевые проблемы истории великой степи

В данной статье рассматриваются вопросы являющиеся ключевыми для истории Великой степи.

Автор считает, что система координат евразийской истории в древности и в средневековье проходила через Великие степи Евразии.

В исторической литературе Евразийская история всегда рассматривалась в привязке и в противопоставлении Восток - Запад. Под Западом подразумевалось, в первую очередь, пространство, плотно заселенное англо-саксонскими этносами, а затем и остальной романо-германский мир. Восток, прежде всего, олицетворяли такие древние цивилизации, как Китай и Индия, и, во вторую очередь, переднеазиатские регионы, включая Египет. Великая степная равнина Евразии, /включая территорию Казахстана/ выпала из данного контекста сложных взаимоотношений и не стала предметом серьезных историко-культурных изысканий. Большинство историков и культурологов, рассматривая Всемирную историю, где двумя полюсами мировой истории выступали Восток и Запад, всегда умудрялись как-то не замечать степную равнину Евразии. Сложные этнополитические процессы в самом центре огромного континента, довольно быстро реагирующие на любые изменения во внешней периферии Великой степи, остались незамеченными. Мост между Востоком и Западом взмывал над Великим евразийским поясом степей, и не касался судеб и деяний степных народов и их культур. Из-за такого высокомерия современных гуманитарных наук в научный оборот не вошли самые существенные закономерности и события истории, участниками которых всегда до Нового времени оказывались степные народы. Белые пятна, лежащие на карте истории, черной пленкой закрывают настоящую историю, свидетельствуя о недостоверности общей картины.

В исторической науке самоценность культур Востока и Запада достаточно изучена и осмыслена. Но не все знают о том, что существовал в истории и третий мир – цивилизация степных народов, культурно-историческая система, которая в течение многих тысячелетий служила структурообразующим началом человеческих деяний. Невозможно воссоздать Всемирную историю без центральной зоны, где тысячелетиями вырабатывались основные понятия священных человеческих ценностей и матрица действия этих ценностей – само человеческое общество. К сожалению, в самом начале формирования и становления современных гуманистических наук /истории, культурологии и т.д./ традиционный миропорядок был уничтожен. Быстрое распространение западной цивилизации завершилось политическим крахом и территориальными уступками пастушеских народов. XVIII в. стал периодом окончательного крушения гегемонии кочевников Евразии, захвата и порабощения их. Китай с востока, а Россия с запада захватили огромные степные просторы, послужившие в течение многих тысячелетий центром мирового порядка.

Пастушество в Центральной Азии в течение многих тысячелетий служило хранителем постоянного социального и космического порядка, благосостояния и единства общества и, самое главное - единства человеческого рода. Степная элита, попадающая в страны Востока и Запада, во-первых, стремилась обеспечить

социальную гармонию, духовно-символический универсум, которые осознавались ими, как прямое отражение космического порядка. Во-вторых, элита создавала политическую организацию завоеванного края и формировала сильную внешнюю политику. Во внутренней жизни общества уделялось внимание формированию механизма умиротворения. Самое главное, благодаря становлению государства налаживались внутренние экономические механизмы, позволяющие вести накопление прибавочного продукта. Таким образом, пастушеские племена, оставляя центральное ядро /Великую степь/, вносили освободившуюся энергию в формирование властного ядра в периферии.

Жизненная практика кочевника не приемлет абсолютной трансцендентности и отвлеченных умозрений, наоборот, зависимость от сиюминутных капризов природы всегда толкало эти народы к активным деяниям и движениям. На протяжении огромной многотысячилетней истории народы Евразийского степного пояса постоянно сталкивались со всемогущей природой и постоянно предпринимали адекватные действия. Переход от кочевничества к полукочевому образу жизни, от кочевого скотоводства - к комплексному всегда создавал определенные ритмы истории, и процесс этот был обратим. В зависимости от амплитуды колебания и силы природных воздействий определяются и масштабы внешних воздействий кочевников на окружающий мир.

С другой стороны, общественный быт степных народов, основанный на родовых отношениях, требовал постоянной активности, даже увлеченности населения проблемами общественно-политической жизни. С детских лет степняк вовлекался в бурные общественные отношения и ему прививалась идея служения. Вокруг мира кочевников находились огромные ниши, удобные для разнообразной деятельности и спокойного существования по своим природным параметрам.

Субпассионары в каждую эпоху при малейшем демографическом взрыве искали нишу для приложения своей энергии и шли в оседлые регионы. Как раннее пастушество, так и комплексное хозяйство, появившееся как результат эволюции пастушества, хорошо обеспечивали демографический рост населения. Сильные социальные устои, опирающиеся на традиции патриархальности, защита со стороны рода каждого индивида, члена коллектива, послужили основополагающим фактором бурного роста населения.

Кочевники Евразии, как доказывает наше предыдущее обозрение, ярко демонстрируют наполненность их жизненной энергией, способность к приспособлению и изменению окружающего мира. Их деятельная энергия в течение многих тысячелетий /начиная с IV тыс. до н.э./ не раз захлестывала не только ближние регионы, но и далекие оазисы древнего мира. Они давали мирной, монотонной жизни оседлого земледельца /этой вечной статичности/ динамичную, жизнеутверждающую энергию, внося стимул и структуру в первобытный хаос. На протяжении многих тысячелетий генеральное стержневое развитие Евразии, и в особенности Востока, определялось влиянием кочевых народов.

Так было в начале человеческой истории, когда племена шумеров, двигаясь с севера на своих неуклюжих повозках и с огромным запасом молодой энергии, захватили и заселили Двуречье, подчинили оседлых земледельцев из раннеземледельческих общин Месопотамии и создали государство. Первое общество, первая письменность, первое государство - именно из этого набора атрибутов берет свое начало человеческая история. За шумерами в Месопотамию, а далее и в Египет шли уже другие пастушеские племена Евразии. Современники шумеров, основатели Хараппы и Мохенджо-Даро в Индии приблизительно в эту эпоху /IV тыс. до н.э./ начали создавать мощный фундамент индийской цивилизации. К сожалению, эта малоисследованная проблема как бы выпала из нашей историографии и не оценена. Ведь индоарийское движение, по сравнению с миграциями эпохи шумеров, относится к позднему времени. Это уже вчерашняя история, довольно подробно излагаемая величайшими письменными источниками подобно «Авесте» и индийским «Ведам».

Оба эти движения для Востока были революционными, в смысле становления человеческой культуры, формирования свойств его бытия и т.д.

Но не только для Востока. На запад шли волны индоевропейцев из Великой степи. Каждый новый взрыв в степи усиливал влияние в континенте этого основного деятельного начала, как от камня, брошенного в тихий плес, круги все расширялись и охватывали огромные территории. В этом море движения встречались и отталкивались многие народы, происходило усиленное смешение и ассимиляция. Они консолидировались и создавали государства, чтобы в новом витке истории снова впадать в кризисы и стать добычей новых кочевников из Евразийского котла*.

Новый этап активности племен Великого степного пояса наступает в VII-V вв. до н.э., т.е. в середине I тыс. до н.э., когда скифы в Европе, а саки в Азии принялись за перекраивание политической картины мира. В начале киммерийцы, а вслед за ними сако-массагетские племена, вторгаясь в Египет, Ассирию, Индию, Китай и Иран, вдохнули жизненные силы в древние цивилизации. В историческом обзоре мы несколько затрагивали события этого периода, отмеченного продвижениями многих групп кочевого населения. Происходит возрождение ряда восточных регионов. Великий Кир - сын пастуха, поднимает Ахеменидский Иран. В свою очередь под сильнейшим влиянием скифов происходит возрождение Древней Греции, где в борьбе полисов победителями вышли македонские цари. Мы наблюдаем за столкновением двух сверхдержав: Персии и Греции. По сути, вновь на территории Передней Азии встретились потомки ранних кочевников Великой Евразийской степи. Одни из них шли через Среднюю Азию и далее Иранское нагорье, другие через Северное Причерноморье в Балканы. Впрочем, немаловажную роль в контактах степных пастушеских племен Западной и Передней Азии играли так называемые Каспийские ворота /Дербент/. Скифо-саки оказали мощное влияние как на Запад, так и на Восток в силу массовости и перманентности движения. Слабо заметные в степных просторах Центральной Азии импульсы постепенно набирали силу и инерцию. Первоначальным очагом скифской триады и, прежде всего, звериного стиля стала глубинная территория, совпадающая с современными границами Центрального

Казахстана /зона распространения памятников тасмолинской культуры «курганы с усами»/. Наиболее чистыми носителями ранней скифской культуры, вероятно, можно считать аргипеев, исседонов и массагетов /основное ядро/. На втором этапе произошла кристаллизация нескольких ареалов /очагов/ скифо-сакской культуры по всей периферии Великого степного пояса: Сибирско-Алтайская, Северо-Причерноморская, Семиреченская, Нижнесырдарьинская /Тагискен/ и др. Таким образом, вторжению скифов в Восточные цивилизации предшествовала определенная подготовка и перестройка самого кочевого общества.

Как объяснить упадок могущества скифов /и их современников/ в ходе многочисленных завоевательных походов Старого Света?

Однозначно они связаны с потерей скифами своих первоначальных качеств и ассимиляции в оседлой среде: отчуждение власти от общества, ослабление принципов самоорганизации общества, стремление к роскоши и деградация в чуждой городской культуре.

Ибн-Халдун, рассуждая о принципах устройства общества, кризис цивилизации напрямую связывал с ростом и усложнением городской жизни. В этом аргументе, столь присущем государствам, создаваемым пастушеской элитой на Востоке, есть рациональное зерно, объясняющее упадок правящих имперских династий: «Оседлая городская жизнь ведет к принятию разнообразных прихотей, культивированию соответствующих предметов, - пишет Ибн-Халдун. - Присущее городской жизни стремление к роскоши подрывает устои хозяйственной деятельности и социального устройства. Как результат усердных, а подчас мучительных попыток удовлетворить потребности, вызванные такими прихотями, возрастают аморальность, злоупотребление, лицемерие, обман».

Город в описаниях казахских источников изобилует всякого рода низкими людьми с порочными наклонностями. Уловки и обман - характерные черты для городского жителя, и все это в совокупности определяет кратковременность правления степных правителей в завоеванных странах. Отсутствие иммунитета перед многочисленными соблазнами, отрыв от степных традиций и родовой среды делает их уязвимыми перед любой опасностью. «*Кала болдынь, мола болдынь*» - так однозначно оценивали в прошлом это состояние кочевники.

На первый взгляд, в начале нашей эры и в последующие эпохи сохраняется также характерное для древности мощное структурообразующее влияние степных народов на оседлый мир Востока и Запада. При этом, масштаб охватывает даже более значительный радиус пространства. Одряхлевший Восточно-Западный мир рушится на части под ударами конницы гуннов: на Востоке Китайская империя подписывает «договор о мире и родстве», что означает настоящее подданство, на Западе падает Римская империя. На юге гунны-эфталиты ставят на колени Сасанидскую державу. В ходе этого масштабного взрыва значительное количество степных пассионаров кочевников выбрасываются в эти регионы.

Самая главная особенность, на наш взгляд, состоит в том, что центр активности в это время перемещается на восточные окраины степи. Вероятно, этот процесс связан с усилением перехода к кочевничеству охотничьих племен. Иордан, исходя из легендарных сведений, рассказывает о первых столкновениях готов /он называет их скифским племен/ с гуннами, относит последних к охотничьим: «Охотники из этого племени, выискивая однажды, как обычно, дичь на берегу внутренней Мэотиды, заметили, что вдруг перед ними появился олень, вошел в озеро и, ступая вперед, то приостанавливаясь, представлялся указывающим путь. Последовав за ним, охотники пешим ходом перешли Мэотийское озеро... показалась скифская земля».

Парадокс гуннских миграций состоит в том, что они впервые в истории Великой степи сделали мощный бросок с восточных горных окраин Великой степи /Алтая и Тарбагатая/ к Восточной Европе.

В исторической литературе это движение представляется несколько однобоко и рассматривается чрезвычайно узко, как движение таборное, бессистемное, без этно и лингвистической общности. Одним словом, сброд «разноязыких и разноэтнических» племен. О государстве вообще не идет речь, поскольку движущаяся на запад толпа племен и родов –неорганизованное сообщество, государство начиналось обычно на грани двух стадий кочевания, т.е., на грани полукочевничества и полуоседлости. Кстати, наглядный пример такого подхода демонстрирует С.А. Плетнева: «Что же касается хунну, то лишённые земель, они двинулись в далекий западный поход. Тысячи километров шли хунну по сибирским и уральским степям сквозь земли угрозных и тюркоязычных народов. Этот поход занял у них более 200 лет. За время движения хуннская волна постоянно пополнялась народами, побежденными и разоренными ими. И все они, естественно, переходили к таборному кочеванию, военно-демократическому строю и все одинаково участвовали в нашествии, медленно и неуклонно двигавшемуся на европейские степи».

В Великом движении гуннов, по всей видимости, необходимо вычленим три этапа. О первом этапе нам уже приходилось говорить, он связан с восточными окраинами Великой степи, где сформировались основные этнокультурные параметры гуннского сообщества, и там же произошло формирование мощной политической системы, в борьбе как против соседних народов, так и против Китая. Во втором этапе, мы видим гуннские племена уже в степях Центрального Казахстана и на территории Средней Азии /вслед за юечжами/. Вероятно, продвижение гуннских племен было массовым и основательным. Об этом свидетельствуют как появление культовых памятников в направлении Восток - Запад, так и перемещения доминирующих родов.

Во втором случае, речь идет о доминирующих родах гуннов эпохи Модэ шанью. Так, в источнике «Хуянь, Лань и впоследствии Сюйбу суть три знаменитые Дома» /49. - С.49/. Вероятно: дом Хуянь следует связать с родом Куан /дык/, Лань - Алан /ша/, Сюйбу - Суйун дык/, известные в позднейшей истории степных народов /особенно в казахский период/ как представители старшей линии племен: в казахских

преданиях эта группа Бес Мейрам. В эпитете «Абылай аспас Арканынь Сарыбелі» подразумевается эта старшая группа.

Следовательно, после многих лет борьбы степных племён на Востоке, на территории Сары Арка происходит кристаллизация и концентрация, позволившая им накопить силы для западного движения. Таким образом, второй этап гуннской этнополитической истории можно связать с Центральным Казахстаном. Одновременно повышенная концентрация населения в регионе привела к перемещению местных племен алашского субстрата на юг. Вероятно, только так можно объяснить возникновение на территории Средней Азии империи белых гуннов. В описании «Истории Юстиниана» образ жизни эфталитов /белых гуннов/ преподносится совсем в другом свете, нежели восточных гуннов: «они не кочевники, как другие гуннские племена, но издавна живут оседло на плодородной земле. Они никогда не вторгались в землю римлян, разве что вместе с мидийскими /персидскими/ войсками. Среди гуннов они одни светлокожи и не безобразны на вид».

Древнетюркский степной мир мы видим в окружении трех крупных систем /хозяйственных, идеологических и т.д./: византийско-греческой - на западе, арабо-исламской - на юге, китайско-буддийской - на востоке. Наличие таких крупных сформировавшихся систем на огромном Евразийском континенте при активном действии тюркского центра привело к изменениям, равным социальным революциям.

В этот период в Великой степи не происходит без каких-либо крупных перемещений населения, того хаоса и босу, которые характерно для эпохи гуннов и т.д. Наоборот, во всем чувствуется стабильность, долговечность, созидательная деятельность. Пассионарная энергия преобразовывается в кипучую хозяйственно-культурную созидательную работу в периферии. В целом можно говорить о существовании культурного общетюркского комплекса, включавшего широко распространенные по всей территории Великой Степи во второй половине I тыс. до.н.э.: материальную культуру, идеологические представления и духовные помыслы. Культура кочевых племен и оседлых регионов выступает в органической целостности, составляя культурную единую систему. Наиболее концентрированно эта культура проявляется в маргинальных зонах, где противостояние тюркской культуры с окружающим оседлым миром обретает рельефный характер. Так появилась богатая письменность и литература, развитая городская культура, трансконтинентальная торговля /Великий шелковый путь и меридиональные пути/, увлечение тюрков с разными религиозными системами. Центральным ядром тюркской культуры являются богатырские сказания, образы мудрых и вещей сказителей, вселенский и стремящийся к бессмертию человеческий дух, в общем, все то, что характерно, в первую очередь, для Великой Степи. Есть много общего между тюркскими и сакскими периодами истории Евразийского степного пояса.

Так, тысячу лет назад тюркские племена на окраинах степи образовали несколько вполне самостоятельных и локальных очагов степной культуры, которые, в свою

очередь, оказывали сильное структурообразующее влияние /тюркизация/ на более глубокие оседлые регионы.

Мощная попытка структурообразования Евразийского мира была совершена монголами. Этот процесс по-разному интерпретируется в историографии и в основном преобладает негативная, односторонняя оценка его последствий. Но никто не может отрицать факт обновления этнополитической картины Евразии. Энергия монголов, не ограничиваясь внутренними регионами Центральной Азии выходит далеко за ее пределы, затрагивая Центральную и Южную Европу, глубокие районы Азии /Северная Индия и даже Индокитай/, и Северную Африку. Есть много общего в молниеносных вторжениях монгольской конницы с гуннами и их союзниками. В существующий миропорядок вторжениями племен из глубин степей вносится новая динамика и обновление.

Средневековая Европа под гнетом христианской теократии, занятая преследованием ведьм и озабоченная поисками гробницы Христа, потерявшая нормальные социальные ориентиры была встряхнута монголами. Именно в эпоху владычества в Великой Степи монголов и благодаря обустроенной им торговле создавалась основа современной цивилизации Европы. Вероятно, с вершины этой материальной системы /цивилизации/, движения степных народов в XIII-XIV в.в. кажутся бессмысленными и несущими смерть с разрушительными тенденциями полной деструкцией. Но непосредственные результаты подсказывают, что в ней действовали те же принципы, заложенные в движениях древних шумеров, скифов, гуннов и т.д. Они несли в оседлый мир жизненную энергию, накопившуюся столетиями в безбрежных степных равнинах Евразии, и заполняли ею оседлые лагуны. Это движение стоило самим степным народам огромного напряжения, людских и материальных потерь. Но такова воля судьбы, начертанная на скрижалях, она должна была свершиться.

Монгольский взрыв привел в движение огромные массы населения степного пояса и маргинальных территорий. В Евразии были созданы десятки крупнейших государств с господствующими монголо-тюркскими династиями. Золотая Орда с ее огромным влиянием в восточной, северной и южной частях Европы, а также зависимые и составные ее владения в Сибири, на Кавказе, в Хорезме; Хулагидский Иран и его влияние в Закавказье, в Передней и Западной Азии; находящийся между родовой территорией монголов и Золотой Ордой Шагатайский улус; не говоря о Китае и других странах Востока, свидетельствуют об огромных масштабах и возможностях структурообразующего влияния степных народов в период своего наивысшего могущества.

Те же закономерности лежат в основе мощного последнего взрыва кочевого мира в постзолотоордынское время. Но это было движение уже обреченных на поражение и гибель пассионарных этнических групп. В многовекторных движениях степных народов Нового времени можно наблюдать многие, знакомые нам из предшествующих обзоров характерные черты. Чрезвычайно мощный и быстрый бросок совершённый торгоуытами из долин Алтая и Тарбагатай в Поволжье,

повторяет путь гуннских племен. Фактически калмыки не смогли освоить занятые ими у казахов земли Арка и оставляя свои немногочисленные хиты /храмы/ прошли на западные окраины Великой Степи.

В период могущества Джунгарского ханства Цэвэн Раптан и Галдан Цэрэн повторяют в принципе те же действия, что совершали основатели Тюркского каганата, занимая поочередно вначале Восточно-Туркестанский оазис, затем Туркестано-Ташкентский, и только после этого Мавереннахр, создают новую экономическую систему, которая держится благодаря Восточно-Западной торговле. В истории Евразии мы наблюдаем постоянное чередование расцвета и упадка этой торговой магистрали.

Научный анализ политических событий в Центральной Азии в Новое время высвечивает одно интересное явление. Несмотря на чрезвычайно сложные обстоятельства, основному этносу центральных районов Великой Степи – казахам - удалось отстоять территориальную и политическую целостность. На наш взгляд, фактором спасения казахов служила возможность маневрирования по меридиональной линии юг - север, следуя движению маятника. Исторический обзор, сделанный нами в предшествующих разделах позволяет проецировать этот маршрут, комбинированный из политико-хозяйственных ниш на более отдаленные периоды: монгольский, тюркский, гуннский, сакский, арийский и т.д. Смена государств и политических систем фактически не отражается в преемственности этнической истории и этногенеза.

Ж.О. Артыкбаев

ЛИТЕРАТУРА

1. Ибн Халдун. О причинах упадка цивилизационной жизни // Сравнительное изучение цивилизаций. Хрестоматия. Составитель Б.С. Ерасов. - М., 1998 . – С.191-192.
2. Иордан. О происхождении и деяниях гетов. /Вступ. статья, перевод, комментарий Е.Ч. Скрижинской. - М., 1960.
3. Плетнева С.А. Кочевники средневековья. Поиск исторических закономерностей. – М., 1982.
4. Бичурин /Иакинф/ Н.Я. Собрание сведений о народах обитавших в Средней Азии в древние времена. Т. 1-2. – М., 1950.
5. Тер-Мкртчян Л.Х. Армянские источники о Средней Азии V-VII вв. – М., 1979.